

***Охотники – крестьяне Вятской губернии
(по материалам второй половины XIX в.).***

Касимова Э.Г.

Кандидат исторических наук

Охота – одно из самых древних занятий человечества, которое не утратило своей актуальности и до наших дней. Занимались охотой и на территории Вятской губернии. В 1850-е годы в вятских лесах добывалось немало пушных зверей – белки, норки, медведя, лисицы и других. Только в Слободском уезде в 1858 г. меха «туземных зверей» выделялось на сумму 8000-10000 руб¹. Особо выделялись богатством дичью Слободской и Глазовский уезды, но отмечалось, что «с уменьшением лесов и число зверей постоянно уменьшается».²

Охотой главным образом занимались крестьяне, проживавшие в лесистой местности или там, где было много болот, мелких речек, ручьев. Она не имела большого промыслового значения, велась в свободное от полевых работ время – если летом, то в праздники, когда сельскохозяйственные работы не проводились, а в основном осенью, зимой и весной. Крестьяне главным образом занимались ею «по страсти к охоте», хотя отмечалось наличие охотников, для которых она была промыслом, дающим доход, «иногда покрывающий подати и земские повинности»³. Особенно любили охоту проживавшие в Вятской губернии марийцы, удмурты, коми-пермяки.

Количество охотников в 1874 г.⁴:

Уезд	на зверей	на птицу
Вятский		72
Глазовский	1003	1228
Елабужский	388	362
Котельнический	221	240
Малмыжский	625	862
Нолинский	125	132
Орловский	333	494
Сарапульский	330	407
Слободской	231	479

Уржумский	164	161
Яранский	80	263

Безусловно, охотники в основной своей массе занимались и тем, и другим видами охоты.

С 1871 года началось ограничение бесплатной охоты в казенных лесах – вначале в Яранском лесничестве, а к 1873 году уже в 14-ти. Выдача билетов на право охоты проводилась по инициативе Управления государственных имуществ по Вятской губернии, первоначально плата была «какая в каждой данной местности окажется возможной».⁵ Несмотря на введение платы, желающие заниматься охотой крестьяне оставались. По данным подворовой переписи, в 1886 году в Орловском уезде только официально охотников насчитывалось 412 чел.⁶

Повсеместно добывали белок и зайцев, в начале 1870-х годов – до 130 тыс. и до 30 тыс. в год соответственно.⁷ Популярными объектами охоты были также рябчики, тетерева, глухари, дикие гуси, утки, кулики, рысь, куница, лисица, горностай. Редкими объектами охоты были выдры (добывались в Малмыжском, Орловском уездах), лебеди, журавли (в Глазовском, Малмыжском, Яранском уездах), лось и олень (в Орловском и Яранском уездах), изредка охотились еще на хорька (в Яранском уезде), норку и росомуху (в Орловском уезде), дупелей и бекасов (в Яранском уезде), чайку (в Глазовском уезде). Но стоит отметить, что часть охотников в том же Малмыжском уезде убивать лебедей считала грехом и на них не охотилась. Волков и медведей убивалось незначительное количество⁸.

На птицу охотились с лета (начала июля) до поздней осени, на пушных животных – осенью и зимой. Таких животных, как белку, зайца, куницу, добывали, когда они сменяют свою шубку с летней на зимнюю. Считалось, что лучшая белка добывается глубокой осенью и зимой, когда она «перекунеет»; после Великого поста белка худшая – она хотя такого же окраса, как и зимняя, но только с более длинным волосом и непрочной мездрой. Против хищных зверей крестьяне чаще всего шли тогда, когда они начинали причинять вред их домашним животным.

Шкурки пушных животных обычно продавались скупщикам на базарах, торжках, а партии белок шли на продажу в большие города – Казань, Москву, Петербург. Охота на зверей велась главным образом из-за их шкуры, даже мясо зайцев ели не все крестьяне – в источниках можно найти упоминание, что их ели, например, маришцы в Уржумском уезде, зайчатина продавалась и в Орловском уезде. В том же Орловском уезде шкура медведя продавалась от 8 до 15 руб.; сами крестьяне это мясо не ели, продавали в редких случаях, например, при проездах «господ», и вся туша уступалась за 45-50 коп.⁹. В большие города отправлялись и партии рябчиков. Птица, кроме рябчиков, в продажу в основном не поступала и шла на еду семье охотника. Перья и пух также использовались в домашнем хозяйстве.

Так как крестьяне охоту как самостоятельный промысел не воспринимали, то в своей основной массе хорошего охотничьего оружия и снаряжения не имели. Охотились или с ружьем (с собакой и без нее), или без ружья – с помощью разного рода капканов, ловушек и сетей.

Ружья были самые простые, одноствольные, к 1870-м годам преобладали пистонные, но в ряде мест пользовались кремневыми. Оружия заграничного производства у крестьян-охотников не было, из фабричного преобладали ижевские ружья, причем часто бракованные (браковки). В Уржумском уезде в 1870-е годы большинство охотников использовали ружья кузнечной работы за 2-5 руб., а фабричное оружие было у незначительного меньшинства, стоило оно уже 10-15 руб. Разница между этими ружьями была в том, что последние били на несколько сажень дальше.¹⁰ Также пользовались ружьями местного кузнечного производства и в Яранском уезде – делали их из случайно попавших сюда бракованных или испорченных заводских ружейных стволов¹¹.

Ружья фабричные покупали на ярмарках – Нижегородской, Алексеевской в Котельниче. В 1886 г. на Алексеевскую ярмарку было привезено ижевскими мастерами (главным образом Петровым и Березиным) до 2000 ружей «крестьянского сорта», и почти все они были распроданы.¹²

Также ружья покупались у лиц, возвращающихся с отхожих заработков. Стоило такое оружие в Орловском уезде к 1886 г. от 3 руб.50 коп. до 5 руб. Ружья у охотников были большей частью дробовые и самых мелких калибров, били они незавидно. Однако, несмотря на самое небрежное и неумелое обращение с ними, ружья эти являлись сравнительно безопасными для стреляющего. Испорченное оружие ремонтировались местными кузнецами или, в довольно редких случаях, самими охотниками.

Также охотники ставили железные капканы на звериных тропах, обычно после появления первого снега, который позволял замаскировать их. С помощью этих приспособлений в основном охотились на волков, лисиц, рысь, а также добывали зайцев. На этих же животных ставились и ловушки. Бывали случаи, когда волк уходил с капканом за несколько верст, но его находили по следу; волк или россомаха даже могли отгрызть себе лапу. Некоторые охотники клали в приманку в капкане мышьяк или сулему для более успешной охоты.

Главным промысловым животным была белка. Охотились на нее повсеместно, с собакой, в одиночку или группой. Например, в Орловском уезде бытовал и такой способ добычи зверя: «так как эта охота наиболее незатейлива, то имеется возможность соединяться и случайным товарищам: один вносит в общее дело собаку, а другой...свое ружье. Один стреляет, а другой помогает ему, выстукивая белку, затаившуюся в хвое, обухом топора и заставляя ее обнаружить свое присутствие и выскочить на вид. Даже и исправные охотники иногда берут с собой для этой цели своего парнишку. Иногда белка затаивается на дереве так крепко, что стуком ее выгнать нельзя; в таких случаях здешние охотники рубят те деревья, на которые лает собака. Когда, падая от выстрела, белка завязнет в сучьях дерева, то последнее также срубается. При охотах в высокостойном лесу, когда или ружьем не берет до белки, или снизу ее рассмотреть невозможно, охотнику часто приходится лазить на соседние деревья, чтобы отсюда рассмотреть и подстрелить белку».

При благоприятных условиях и ровный охотник в сезон «белковья» убивал до 100-200 штук, лучшие же до 150 и более¹³.

Охота на зайцев могла быть ружейной, с собакой или без нее, но чаще всего на это животное ставили капканы. Также использовали и тенета (сети), например, в Орловском и Малмыжском уездах; такая охота производилась артельно. В Орловском уезде каждый член артели брал с собой крыло тенет сажень 9 длиною, сети эти растягивались на жердях по просеке. Артель разбивалась на две части; одна часть, состоящая из меньшего числа членов, притаивалась неподалеку от тенет для наблюдения за ними, а другая часть (большая) уходила в одну какую-нибудь сторону и оттуда с криком гнала на них зайцев. Испуганные зайцы набегали на тенета, сбивали их и запутывались в ячейках хитро расставленных сетей, тогда первая часть артели выбегала из своих засад и убивала добычу. Такие артели охотников доходили нередко до 40 чел. «Занимаются промыслов своим все вместе недели с полторы, при чем на человека приходится не менее 70 штук зайцев. Разумеется, крестьяне, владельцы угодий, посещаемых тенетчиками, смотрят на подобные погромы весьма косо, стараются им помешать и дело иной раз с обеих сторон доходит до крупных неприятностей».¹⁴

Промысловой охотой также являлась добыча рябчиков. Так же как и в случае с зайцами, она была и ружейной, и без использования оружия, с помощью силков (петель). В случае ружейной охоты она велась без использования собаки, птицу приманивали с помощью пищика (наподобие дудочки), который имитировал писк рябчика.

Охота на водоплавающую птицу была в основном ружейной, но также могли расставлять сети на местах перелета птиц от одного водоема к другому.

Важное значение также имела добыча глухарей и тетеревов, причем на последних при охоте довольно активно использовали чучела, сшитые из черной материи, в грубой форме имитирующие самих птиц. Эти чучела

ставились к деревьям, на которые любили садиться тетерева, а сами охотники прятались в шалашах.

На фото: *Охотничий лабаз.*

*Березовские починки, совр. Афанасьевский р-н
Кировской обл., нач. 1930-х гг.*

На медведей охотились редко, группой, с собаками, ружьями, рогатинами.

Если находили медведя в берлоге, то старались выманить его оттуда. Но чаще охотились на него летом, подкарауливая на специальном сооружении (лабазе) около задранного им животного (лошади или коровы) или на овсяном поле. Впрочем, так как подходил медведь к месту засады обычно затемно, убивать его не всегда получалось – раненое животное могло уйти в лес, бывали и случаи его нападения на охотников.

В Орловском уезде норка изредка попадалась в морды, предназначенные для ловли рыбы.

Специальной охотничьей экипировки в большинстве уездов не было, в лес шли в обычной «рабочей» крестьянской одежде. В Орловском уезде зимой поверх зипуна или полушубка, в предохранение от мокроты и обваливающегося с сучьев снега, накидывалось еще «тяжелко» – «своего рода халат из домашней холстины», часто отороченный кожей и плотно обхватывающий шею и кисти рук; подпоясывался здешний охотник ремнем с железной скобой для топора (натопорником). У охотников к ремню, который подвязывался через шею, вешались круглая деревянная пороховница, мешочки для дроби и пистонов, две роговые мерочки – одна для пороха, другая для дроби. В Яранском уезде большая часть охотников и этого не имела, а носила дробь в карманах, завернутыми в бумагу. Все эти охотничьи принадлежности, вместо со спичками, махоркой, трубкой или писчей бумагой, клались за пазуху. У многих охотников в Орловском уезде туда же

помещался и небольшой компас (маточка) работы Соловецкого монастыря, очень часто посещаемого здешним населением. Необходимая еда для себя, а также убитые белка и птица носились за спиной в берестяных сумках (пестерях) или крошнях.

На ноги охотники надевали, смотря по времени года и погоде, лапти или сапоги, а с глубокой осени – валенки. Зимой на валенки и лапти надевали еще лыжи. Охотники Орловского уезда различали лыжи и голицы. Голицы – те же лыжи, но не подшитые снизу оленьими или лосиными «пазданками» (то есть шкурой с нижней части оленьих или лосиных ног). Голицы несколько легче по весу, чем лыжи, но они «шуршат, на них труднее взбираться на возвышения и в оттепель к ним подлипает снег, который приходится часто обивать»¹⁵, для чего охотники специально брали с собой узкую лопату.

Большое значение на охоте придавалось собаке. В большинстве уездов губернии – это обычная дворняга. В Орловском уезде преобладал тип «русской северной волкообразной собаки»: различного роста – пониже среднего роста волка и с годовалого, с «чутко-стоячими» ушами, широкой грудью, сухими, мускулистыми лапами, хвостом «поленом» как у волка, который «носится закружовато на сторону» или загибался вверх; шерсть, как у волка, очень густая, хотя в то же время и очень мягкая. Многие собаки имели бледно- и грязновато-желтые пятна (подпалины) над глазами и назывались четырехглазыми. Охотники полагали, «что в лесу леший или другая нечисть не смеют при такой четырехглазой собаке шутить над хозяином, потому что собака такая видит их издали этими желтыми, будто бы закрытыми глазами». Эти животные – чрезвычайно умные, неутомимые, смелые, они обладали отличным чутьем, зрением и слухом, но вместе с этим часто бывали упрямы, иногда вороваты, так как летом, из-за плохого содержания дома, бродяжничали по лесам и полям за мышами. В Орловском уезде охотничьи собаки назывались лесными, подлайками и лайками, потому что в их обязанности входило отыскать и «взбудить» в лесу зверя или птицу,

с лаем гнаться за ними, кого могут задержать или даже задавить, а загнав на дерево, не спускать вниз и лаем призывать охотника. Лучшими собаками считались собаки из Слудской волости; покупали их у пермяков, по цене до двух и более рублей, смотря по известности матери. Хорошая охотничья собака характеризовалась так: она может разыскивать и задерживать медведя до прибытия охотника, загонять на деревья рысей, куниц, преследовать в болоте и воде норку и выдру, лаять на белку, уже перелинявшую в зимний мех, садить на деревья тетеревов и глухарей, не блудить дома и т.п. Такая собака была очень редка, славилась на всю округу и почти не продавалась, так как ею нередко поддерживалось все крестьянское хозяйство. Обычные местные охотничьи собаки хорошо добывали белок и могли использоваться на охоте еще на какое-нибудь животное, поэтому «заправские охотники» держали у себя не по одной, а по две собаки.¹⁶

Такой была «крестьянская» охота, которая преобладала в Вятской губернии. Безусловно, у «господ» были и качественные ружья, и породистые собаки. Более предметно с охотой в Вятской губернии (и даже с охотой в Кировской области и за ее пределами) можно будет познакомиться на выставке «Охотничьими тропами», которая будет работать в краеведческом музее с 19 января 2024 года.

1 Мещерский А.А., Модзалевский К.Н. Свод материалов по кустарной промышленности в России. СПб, 1874. С. 92.

2 Там же, с. 100

3 ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 500. Л. 49.

4 ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 500. Л. 13.

5 ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 500. Л. 4 об.

6 Материалы по статистике Вятской губернии. т. III. Орловский уезд. Ч. II Подворная опись. Вятка, 1887.
С. 84.

7
ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 500. Л. 13 об.

8
См.: ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 500.

9
Материалы по статистике Вятской губернии. т. III. Орловский уезд. Ч. II Подворная опись. Вятка, 1887.
С. 90.

10
ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 500. Л. 63 об.-64.

11

ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 500. Л. 30 об..

12

Материалы по статистике Вятской губернии. т. III. Орловский уезд. Ч. II Подворная опись. Вятка, 1887. С. 84.

13

Материалы по статистике Вятской губернии. т. III. Орловский уезд. Ч. II Подворная опись. Вятка, 1887. С. 87.

14

Материалы по статистике Вятской губернии. т. III. Орловский уезд. Ч. II Подворная опись. Вятка, 1887. С. 88.

15

Материалы по статистике Вятской губернии. т. III. Орловский уезд. Ч. II Подворная опись. Вятка, 1887.

С. 85.

16

Материалы по статистике Вятской губернии. т. III. Орловский уезд. Ч. II Подворная опись. Вятка, 1887.
С. 86.